

НИК КЕЙВ

Преступник связал молодую женщину электропроводом, нанес ей множество колотых ран и упаковал труп в спальный мешок. Так же жестоко чудовище поступило с невинными детишками этой молодой женщины, которую звали Joy — "радость". Судя по всему, убийца — муж истыканной ножом дамы и, стало быть, отец мертвых ангелочков. У владельца бара — 4 дырки в голове, дружка самой богатой шлюшки в городе напичкали свинцом, как рождественского гуся яблоками. Из ревности одна милая девушка почкала ножиком не ответившего ей взаимностью парня, сбросила любимое тело в колодец, а при этом ветер выл и страдал, а ручки у парнишки были цвета лепестков белой лилии. Девушка, у которой в волосах было полно лент, на руках — зеленые перчатки, отправилась бродить по белу свету в компании милого дружка да и осталась лежать, бедняжка, погребенной в жарких песках Египта (мумифицировалась, значит). Дружок ее как ни в чем не бывало вернулся домой. Еще одна девушка, с губами цвета дикой розы, доверилась другому парню и пошла с ним гулять на третий день знакомства вниз по

мал, чем бы еще эпатировать кормящее его общество. Предыдущие работы, хотя и названные критикой "отменно стреляющими ружьями", содержали лишь намеки на канибальство и расчлененку. Теперь же Кейв пустился во все тяжкие.

Почему бы ему не собрать октябрятско-пионерский фольклор про "черную-черную комнату", "черную-черную руку" и "черный-черный гроб", не написать бы к нему милую музыку, без идиотских завываний, зубовного скрежета и стука падающих на пол увесистых капель крови? Именно так обошлись бы с подобной "чернухой" беспорочные русские люди. Они бы исполнили полные драматизма строки: "Встретила Катенька дядю большого, / Вроде бы нет ничего здесь такого. / В дядином Катя желудке сидит. / Душно, темно и головка болит" (вариант кейвовской "The Kindness of Strangers" о бедной Мэри Беллоуз), задорно аккомпанируя себе на скрипке, какой-нибудь народной пипке и утюге. Всем стало бы ясно, что русские действительно не боятся Смерти и умеют ее простебать.

Обладатель уникального ЗАМОГИЛЬНОГО баритона пошел в лобовую некрофильскую атаку, с любовью дописывая недостающие для полного метража CD кровавые сюжеты. Воз-

лотоносную линию. "Балладами" он срывает оглушительные аплодисменты маргиналов и играющих в декаданс эстетов. Черная помада, черный маникюр, нездоровая бледность лиц, с трудом изгнанный сплин — эти существа, играя, поклоняются культу смерти, ее холодной красоте и неизбежности. Но — прижгите им розовые пятки каленым железом или приставьте револьвер к виску — эстеты тут же напишут (пардон) в штаны и покажут себя официальными жизнелюбами.

Новый альбом Ника Кейва и группы "Bad Seeds" — текстовой. Что ж от него так тащатся и стар и млад? Разве наша страна, где на магазинных ценниках до сих пор можно увидеть "ГОЛАНДСКИЙ СЫР" (с одним "л"), отличается поголовным знанием английского языка? Ник Кейв просто моден. Стадный инстинкт работает безотказно. Законодатель попсовой моды приказали тусовке любить его — и она готова глаза выцарапать любому, не разделяющему эту санкционированную страсть.

Итак, Кейв в очередной раз встал в героическую позу обличителя общества. Но при этом не забыл пригласить для большей продаваемости такого обличительства запопсованную наглухо Кайли Миноуг (это ее любовник-убивец вымачивает в речке в затертом до дыр красивом клипе). Пожалуй, "Where The Wild Roses Grow" — единственная песня в альбоме, которую можно слушать без зевоты. Другую девушку, по имени PJ Harvey, плывущую в русле модного вокала аля Бьерк, Кейв бесстыдно лишил уважительности. Баллада о Генри Ли стала проходным номером — что она есть, что ее нет.

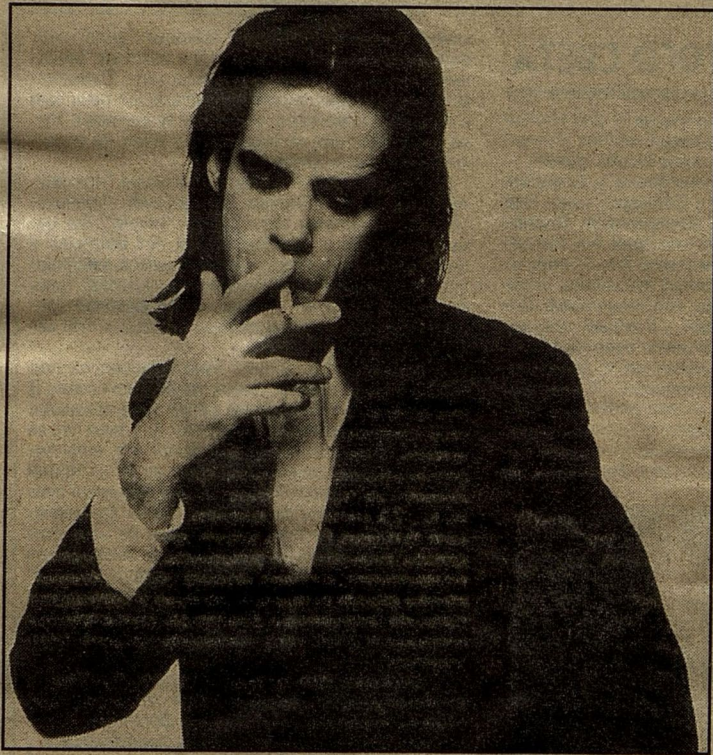
О музыке альбома говорить не приходится. Она местами традиционная, т.е. народная, местами — авторская, кейвовская, но во всех местах совершенно неинтересная, никакая, из серии "вот пуля просвистела — и ага!". Пара рок-н-рольных наворотов, кантри-полечка в стиле танцулек из сериала "Доктор Квин. Женщина-врач", блюз... Предыдущие альбомы "The Good Son", "Henry's Dream" и особенно "Let Love In" с трагической "Do You Love Me?" дают в музыкальном плане нынешнему творению по 1000 очков вперед каждый.

Издательское "сахарное" исполнение Кейвом и К^О дилановской "Death Is Not The End" заставит самого терпеливого человека плюнуть в корзину для бумаг. Их трактовка напомнила поведение мелких хулиганов, которые, проходя мимо генерала милиции, показывают ему фигу. Но в кармане.

Самое лучшее в "Murder Ballads" — оформление: птички всякие, карапузики, перекормленные оладышками девочки. Больше всего жалко зайчика с подвязанной щечкой — у него сильно болят зубки, и он горько-горько плачет:

Бедная тетка Миножка!
Ник Потрошитель пилил тетке ножку
И ручки Миножке пилил понемножку,
Чтобы кормить свою черную кошку...
Так не осталось ни крошки от
бедной тетки Миножки!..

Феня ОБЛОМОВА,
подруга животных.

реке — он ее, дурочку, кирпичом (трах!) по голове, труп (плюх!) в воду, а для куража — розочку (раз!) мертвешкой меж зубов. Мол, пардон, darling, "любая красота обречена на смерть"... Гнусная девочка-подросток, приняв матушкину фразу "Все создания боженьки должны испустить дух" как руководство к действию, порешила полгорода. На ее свести жизни 20 ребятишек, не считая стариков, и большой пожар 91-го года. Только собачку Бико не она распяла гвоздиками на калитке хозяина, а два придурка постарше... В одном баре начитанный преступник, знающий и житие святого Франциска, и тяжелую судьбину святого Себастьяна, отправил на тот свет сначала хозяина заведения, потом жену хозяина, потом замочил еще кучу миссисов и мистеров, кому-то снес голову, кому-то разворотил живот...

Это не хроника происшествий "Московского комсомольца", а краткое изложение песен из "Murder Ballads" — последнего альбома Ника Кейва. Упырского вида мелодекламатор (певцом его на этот раз язык не поворачивается назвать) долго ду-

можно, в его жилах проснувшись кровь предков-каторжан и висельников, посланных королевой Елизаветой в Австралию. Возможно, он в детстве убил маленькую мышку с розовой мордочкой или в нежном возрасте удавил невинную птичку. Может быть, несчастный мальчик Никки, лишенный своевременной помощи психоаналитика и внимания нежной матушки, приходил поздними вечерами домой, покрытый грязью и кровью окрестных кротов, котов, кошек и несушек, и эта кровь стала эссенцией его жизни. Предсмертные конвульсии несчастных крохотных жертв вызывали у него сильное сердцебиение, и в Никки просыпался инстинкт смерти и очарование мертвым... Не будет ничего удивительного, если господин мелодекламатор Николай Пещерник (Cave — пещера, англ.) проведет пару-тройку месяцев в престижной психушке. Похоже, он перебрал с "чернухой", стремясь и андеграундный имидж сохранить, и в высший свет пробиться.

Диагноз — с точки зрения знаменитого доктора Фромма. С моей же точки зрения, Кейв просто доводит до кульминации найденную однажды зо-